

● РАССКАЗЫ О ЛЮДЯХ ТЕАТРА

ТРУДНОЕ СЧАСТЬЕ

Уже более десяти лет зрители Кемерово и других городов Кузбасса видят на сцене драматического театра им. А. В. Луначарского артиста С. Балакина. За это время им сыграно более тридцати ролей. Не все из них равноценны. Герои Станислава Клавдиевича были разными: простыми, и сложными, положительными и отрицательными, комическими и трагическими. Иногда актер входит в спектакль лишь с несколькими репликами, а иногда несет на себе всю тяжесть его.

Вот несколько таких примеров: Олег Баян, добрый и грубовато-насмешливый в «Клопе» Маяковского, эгоист ангел «Д» в «Божественной комедии» И. Штока, смешная Баба-Яга в сказке Е. Шварца «Два клена», монах Лоренцо в трагедии Шекспира «Ромео и Джульетта».

А сегодня зрители снова с удовольствием встречаются с актером Балакиным, узнавая его под пышным париком маркиза Форлипополи, в комедии К. Гольдони «Трактирщица».

Вспоминая начало своей актерской работы, Станислав Клавдиевич говорит, что ему все время везло на хорошую драматургию, но больше всего он благодарен Островскому. И вот почему.

...Уральский городок Ирбит, где и началась его актерская биография, когда-то очень славился богатыми ярмарками, которые по масштабам своим не уступали знаменитым новгородским. Театр здесь жил крепко, легко делал сборы. А самым репертуарным автором был Островский. Островского в Ирбитском театре умели играть и умели ставить. И хотя молодой Балакин сразу получил хорошие роли в пьесах Арбузова, Розова, в которых играл своих современников, настоящей школой, давшей ему первоначальное актерское образование, он считает театр Островского, старых ирбитских актеров, вся сценическая жизнь которых была связана с именем русского драматурга.

В Кемеровский театр он приехал, когда за плечами был уже пятилетний сценический стаж. Здесь показало интересным то беспокойство, с которым молодой театр брался за свои работы. Смелость ре-

жиссерского решения спектакля, стремление установить прямые связи с жизнью, не только уловить точные и тонкие штрихи своего времени, но и пытаться решать наиболее трудные проблемы дня — вот что притягивало и увлекало.

Важным и серьезным этапом в своей работе Балакин считает брехтовские спектакли. Брехт близок актеру. В театре Брехта соединяются все те качества, которые кажутся ему наиболее важными для современного театра: политическая четкость, публицистичность, яркость и острота социальных конфликтов и «яростная человечность».

Брехт стал той ступенькой, шагнув на которую актер почувствовал и уверенность, и какое-то новое начало в работе над образом: прежнее стремление показать характер ясным и неповторимым за счет верных и неожиданных деталей, удачно найденных интонаций соединилось теперь с желанием увидеть своего героя издали, уловить точные социально-психологические истоки характера.

Брехт требует не только четкости в отношении к своему герою, но и умения анализировать, исследовать. И не только какие-то отдельные штрихи и черты характера, но и время и обстоятельства, их породившие. Актер обязан показать конец и начало и весь процесс становления характера. Так появляются на сцене в исполнении Балакина неврастеник Гитлер в спектакле «Швейк во второй мировой войне» и Пичем, король нищих из «Трехгрошовой оперы».

Пичем — одна из самых больших удач актера. Эту удачу признает и сам Балакин. Его герой стоит во главе своеобразной фирмы калек и нищих. С помощью нехитрых приспособлений растет число «штабных работников» Пичема. Лондон разделен на зоны действия этих скороспелых нищих и калек. Все обдуманно, в ходу безупречно действующая машина. Спекулируя на сострадании, Пичем собирает огромную милостыню. Его расчет точен. Свою карьеру он строит на жалости и жестокости. Жалость — глупость, но и в глупости надо найти выгоду — вот сверхзадача образа Пичема, который становится олицетво-

рением буржуазного мира, покоящегося на бесстыдном цинизме и преступлении. «Трехгрошовая опера» — спектакль, где образ Пичема стал значительным и подлинно гражданским созданием актера.

Следующая большая работа Балакина — лавочник Иль в «Визите старой дамы» Ф. Дюрренмата. В промежутке между Пичемом и Илем еще две роли, не очень большие, но очень интересные. Это король в прекрасной сказке Е. Шварца «Обыкновенное чудо», где Балакину пришлось нелегко. Ведь зрители видели этого короля в исполнении Э. Гарина в кино. Вторая работа — монах Лоренцо в «Ромео и Джульетте». И та, и другая роль оценены и зрителем, и критикой. Этот большой период работы Балакина отмечен и рецензентами Журнала «Театр», которые единодушно выделяют образы, созданные актером.

Многие балакинские герои обладают тонким юмором и легко сохраняются в памяти даже в том случае, если роль совсем небольшая, эпизодическая. Роль деда Мефодия в спектакле «Дело, которому ты служишь» не велика, казалось бы, но именно она привносит в строгую композицию спектакля теплоту, юмор. Роль у Балакина получилась емкой, объемной. Сквозь светлую доброту его Мефодия проглядывает осторожность и избирательность этой доброты, за чуткостью и наблюдательностью скрывается скупая крестьянская расчетливость, идущая от большого жизненного опыта, от умения ценить труд и хлеб. Не зря актеры, работающие с Балакиным бок о бок, говорят, что он и маленькую роль может сделать большой.

Творческая натура Балакина проявляется широко. Он хорошо рисует, и думается, что это не проходит бесследно в работе над ролью: недаром многие рецензенты выделяют изобразительность балакинских образов. Он музыкален и поет совсем неплохо для драматического актера. И в самом деле, стоит прийти на «Трактирщицу», чтобы убедиться в этом. Пластичности, музыкальности и обаяния Балакина — маркиза Форлипополи может позавидовать любой актер театра оперетты. Стоит только показаться актеру на сцене —

в зале немедленная реакция. Особенно хороша комическая сцена «повешенья» маркиза.

Но все-таки представляется, что при всей близости индивидуальности актера к комедийному жанру Балакин с большим эффектом работает в жанре трагикомедии, этом труднейшем театральном жанре. Ближе всего актеру театр мысли. «Театр эмоциональной мысли», уточняет сам Балакин.

Преданность театру соединяется в Балакине с удивительной мягкостью, он всегда готов помочь, и за это ему благодарны молодые актеры.

Совсем недавно один за другим прошли три сложных ввода на роли старика Ихменева в «Униженных и оскорбленных», Норокова в «Талантах и поклонниках», Бонопарте в «Золотом мальчике». С Островским на сцене Кемеровского театра Балакин встречается не впервые, но образ Норокова в его исполнении замечателен и близок актеру бескорыстной любовью и верностью героя театру. «Я всю жизнь поклонялся красоте и буду ей поклоняться», — говорит Нороков — Балакин, обращаясь к Саше Негинной, уверяя ее в том, что «талант — лучшее богатство, лучшее счастье человека!». И здесь невольно вспоминаются слова Сергея Образцова о том, что если актер хорошо играет роль, то очень часто какие-то черты роли начинают казаться чертами характера самого актера.

Пятнадцать лет в театре, более сорока ролей, более сорока людских судеб, характеров. Огромная жизнь. И свой мир становится богаче, шире, если он вмещает столько человеческих мыслей, чувств. Ведь если ты знаешь о человеке чуть больше, чем он сам, если ты можешь рассказать ему о нем же так, что он и удивится, и обрадуется, узнавая себя, а, может быть, и изменится, станет добрее, внимательнее к людям, требовательнее к себе, то это все — разве не счастье? Балакин улыбается, поправляя: «Трудное это счастье».

Л. НЕУПОКОВЕВА.

НА СНИМКАХ: С. Балакин в ролях монаха Лоренцо («Ромео и Джульетта») и деда Мефодия («Дело, которому ты служишь»).
г. Кемерово.